

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В РИМЕ ПОСЛЕ УБИЙСТВА ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

(*Март — апрель 44 г. до н. э.*)¹.

Заговор против Юлия Цезаря, убийство диктатора и последующие события издавна привлекали внимание многих исследователей древней истории. Однако изучение событий было весьма односторонним: тщательно рассматривались внешние события, связанные с действиями выдающихся личностей и правящих кругов и игнорировалось отношение к этим лицам и их действиям низов римского общества. В современной буржуазной историографии в истории времени до и после 44 г. до н. э. господствует биографический жанр. Например, в таких работах как Walter Gégard, *Brutus et la fin de la république*, 1938, Herbert Eulenberg, *Cicero*, 1935, Gelzer, *Caesar und Augustus*, 1922, Haskell, *This was Cicero*, 1942, Justinus Class, *Cicero und Caesar*, 1939, Anna Glauing, *Die Anhängerschaft des Antonius und Octavian*, 1936,—личность показана вне связи с современными ей событиями.

В ряде случаев авторы, как, например, Хаскел² ограничиваются лишь глухим упоминанием о волнениях плебса, или видят в них не более как мятеж, а в их участниках—банду мятежников и авантюристов³. Подобная точка зрения совершенно недопустима, тем более, что эти волнения упоминаются в ряде источников. Данные о них можно найти у Аппиана, Кассия Диона, Цицерона и Николая Дамасского.

Сопоставление отдельных известий различных древних писателей дает картину самостоятельного выступления римского плебса на фоне той борьбы за власть, которая происходила между различными группировками правящего класса. Более того, в борьбу, которая происходила между цезарянами и республиканцами после смерти Цезаря, народ вступил как третья сила, в значительной степени определившая дальнейший ход событий: его выступление повлияло и на поведение заговорщиков и сочувствующего им сената и на позицию главарей цезарианцев.

В состав населения города Рима в это время входила значительная часть ветеранов и легионеров Цезаря, его клиентов, вольноотпущенников и бывших провинциалов. Вся эта масса отнеслась к заговорщикам холодно, даже враждебно: замкнутая группа видных сенаторов-заговорщиков не внушала ей доверия; ветераны, получившие земли от Цезаря, боялись их потерять, а ожидающие наделов стояли перед угрозой отмены распоряжений полководца.

Поводом для открытого проявления раздражения послужило завещание Цезаря. Народ был возмущен тем, что в числе наследников был убийца Цезаря—Децим Брут; в то же время польщен тем, что ему, народу, даровались сады и денежные награды. С этого момента, вероятно, начинается идеализация Цезаря народом. Надгробная

¹ Глава из кандидатской диссертации, защищенной в марте 1941 г.

² Haskell, *This was Cicero*, 1942, стр. 323—324

³ Ферреро, *Величие и падение Рима*, т. III, стр. 26, 28, 33, 34.

речь Антония еще более разожгла ненависть к заговорщикам; толпа бросилась к убийцам и упрекала сенаторов в том, что они позволили убить Цезаря (Dio, XLIV, 50). Затем тело Цезаря попало во власть толпы, которая сама хотела оказать ему почести погребения. Народ хотел сжечь его в храме на Капитолии и этим как бы возродить его среди богов (App., b. c., II, 148), чему, однако, помешали жрецы и солдаты, поставленные для охраны порядка. Тогда прах Цезаря был положен на форуме и сожжен на импровизированном погребальном костре, составленном из скамеек и других деревянных предметов, бывших под рукой. Приверженцы официальной религии не признали законность этих похорон: Цицерон называл этот акт беспогребальным погребением (Cic. Phil., I, 2; *insepultam sepulturam effecerant*), и сожжение Цезаря полусожжением (Cic. Phil. II, 36). Но этот обряд приблизил образ Цезаря к народу, так как толпа как бы по ее самой установленным законом совершила его погребение. В своей экзальтации она готова была вместе с Цезарем сжечь весь Рим, и многие окружающие здания пострадали бы, если бы тому не помешали солдаты и консулы, сбросившие с Капитолия наиболее мятежных. Однако эта расправа не охладила пыла и не остановила волнения народа; наоборот, с этого момента начались народные беспорядки. О них известно, главным образом, из Кассия Диона и Аппиана. У Аппиана дана неверная последовательность событий: у него сначала описываются волнение толпы и поджог домов, а лишь затем погребение Цезаря. У Кассия Диона последовательность событий обратная и более верная, что подтверждается и другими источниками—как Николаем Дамасским,¹ так и Плутархом.

Ход событий таков: после сожжения праха Цезаря народ хотел расправиться с убийцами, их искали по всему городу, но они в страхе тайно бежали из Рима (App., ib., II, 148). Тогда толпа с факелами бросилась к домам заговорщиков, чтобы их поджечь (App., ib.), по дороге встретила и растерзала трибуна Гельвеция Цинну, ошибочно приняв его за претора Цинну, который на следующий день после убийства Цезаря отрекся от него. Эти беспорядки были настолько большими, что Антоний вынужден был прибегнуть к расправе. Эти народные волнения в день похорон были стихийным проявлением мести убийцам за Цезаря, который после смерти сделался в глазах толпы ее защитником. Помимо этого, беспорядки имели еще и другую сторону: они были направлены против домовладельцев и ростовщиков и в этом смысле являлись продолжением народных волнений времен Целия Руфа и Долабеллы. Аппиан пишет, что люди толпы желали не только сжечь дома заговорщиков, но «хотели поджечь дома и других римлян, и лишь с трудом удалось удержать их от этого поджога, причем домовладельцы защищались, а их соседи упрасивали воздержаться от поджога. Тем не менее, толпа угрожала, что на следующий день она придет с оружием в руках» (App. ib., II, 147).

Вероятнее всего, это были доходные дома владельцев, сдающих квартиры плебсу. Источники не сообщают имен этих домовладельцев, только Цицерон во второй филиппике, обращаясь к Антонию, случайно проронил имя Беллиена: «Ты, ты, говорю я, зажег эти факелы, и те, которыми тот был полусожжен, и те, от которых сгорел дом Беллиена» (Cic. Phil., II, 36). Это имя почти неизвестно; есть только одно известие: на Делосе была найдена статуя с именем C. Bellienus C. f.; на одной стороне ее написано *προσβουτῆς*, на другой—*στρατηγὸς ἀνδρῶν κτῶς*; относится она ко времени Цицерона. Статуя Беллиену была поставлена купцами, из чего следует, что этот человек был с ними как-то связан.

В беспорядках принимали большое участие вольноотпущенники и рабы. Цицерон говорит Антонию: «Ты натравил на наши дома тех негодных людей, рабов по большей части, которых мы отражали силою рук» (Cic. Phil., II, 36). Угроза толпы пойти с оружием на дома, о которой сообщает Аппиан, а особенно слова Цицерона об обороне от рабов «силою рук», говорят об остроте волнений, о настоящих нападениях на дома сенаторов и ростовщиков. Возможно, что именно в это время зародились планы избиения

¹ Müller, FHG III, стр. 427—456.

сената, о которых вскользь сообщает Валерий Максим (IX, 15, 1). Однако действительность волнений в первые дни после убийства Цезаря в значительной степени умялась их стихийностью и тем, что у толпы не было никакого вождя «ἡγεμόνους μηδὲνός», как говорит Николай Дамасский. Тем не менее они продолжались и в следующие дни после 20 марта (вероятная дата похорон), когда вновь были осаждены дома заговорщиков (App., *ib.*, III, 15). Последние сидели взаперти, выдерживая осаду.

Страхом перед народным восстанием было охвачено все высшее общество. Антоний, из опасения, как бы не вспыхнуло восстание (Dio, XLIV, 51), без промедления отправил в колонии тех, кому Цезарь обещал земли. Затем он, который вначале не признавал Долабеллу консулом, решил из-за того же страха перед восстанием признать его своим коллегой (Dio, XLIV, 53). Однако Долабелла нигде не показывался, боясь участи Цинны за свои хвалебные речи убийцам. Кассий Дион сообщает любопытный эпизод: известный народный трибун Гай Каска, который не был в числе заговорщиков, но видел, как погиб Цинна вследствие сходства имени с одним из убийц, велел написать по всему городу объявления, в которых просил не путать его с убийцей Сервием Каской и объяснял различие их настроений (Dio, XLIV, 52). Во время волнений сторонники двух противоположных лагерей—цезарианцы и сенаторы-республиканцы, с одинаковой поспешностью покидали Рим. Чтобы умерить волнения Антоний всем, кроме солдат (вероятно, тех, которые должны были охранять порядок), запрещает носить оружие. Страх перед народным восстанием на время сближает противников: Антоний идет на соглашение с оппозиционной частью сената. Для примирения со знатью он объявляет об уничтожении диктатуры навсегда. Но совместные действия Антония и сената оказались бессильными перед народными волнениями, которые не только не прекратились, но даже получили вождя в лице Герофила. Этот эпизод свидетельствует о том, что движение народных низов далеко еще не было окончательно подавлено, мажор того, оно в состоянии было принять весьма грозные формы.

Герофил (он же Марий и Аматию) становится во главе народного волнения в начале апреля. К сожалению, известия источников о нем очень немногочисленны. Это небольшой отрывок у Николая Дамасского, несколько писем Цицерона, несколько указаний в его первых филиппиках и немногие строки Валерия Максима и Аппиана. Однако, учтя все эти данные, можно составить представление о Герофиле и характере возглавляемого им движения.

Вопрос о происхождении Герофила разрешается источниками неодинаково. Валерий Максим пишет, что Герофил был ветеринарным врачом (*equarius medicus*). Цицерон же произнес следующее по поводу Герофила: «Спустя несколько дней сенат был освобожден от опасности избиения: петля была надета на шею этого беглого раба, который присвоил имя Г. Мария» (*uncus impactus est fugitivo illi, qui in C. Marii nomen invaserat, C i s., Phil., I, 2*). У Аппиана тот же Герофил называется Аматию.

Герофил при жизни Цезаря присвоил себе имя Мария, объявив себя внуком знаменитого полководца, который был очень популярен в народе. Он добивался официального признания своего имени и принятия в род Мария, о чем он ходатайствовал перед родственниками Цезаря, перед Октавием и Цицероном. Николай Дамасский (*op. cit.*, фрагм. XIV) так передает этот эпизод: Октавий, получив разрешение у Цезаря повидать свою мать, отправился в Рим. Когда он был около города на Яникульском холме, с ним встретился с большой толпой людей «так называемый сын Гая Мария, старавшийся быть записанным в этот род. «Граждане, бывшие с ним, пытались уговорить Октавия признать его сыном Мария. Октавий считал крайне неудобным оттолкнуть эту толпу, и, кроме того, этого человека столь уважаемого. Но он очень удачно вышел из затруднения, отправив Герофила к Цезарю, как к главе их рода и всей римской державы, сказав, что, если Цезарь его признает, тогда пусть он явится к нему». О таком же случае писал Цицерон Аттику в июне 45 г.: «Вчера, немного спустя после того, как ты ушел, какие-то, повидимому, граждане, принесли мне поручение и письмо от Г. Мария, сына Гая, внука Гая. Усиленно он просил меня во имя родства, которое у меня с ним есть, во имя того Мария, о котором я писал, во имя красноречия его деда Л. Кресса, чтобы я его защитил. И он описал мне свое судебное дело. Я ответил, что ему нет

надобности в каком-либо защитнике, потому что вся власть в руках Цезаря, его родственника, человека превосходнейшего и снисходительнейшего, но что я по силе возможности окажу ему содействие» (C i c., ad Att., XII, 49.)».

Из сообщения Николая Дамасского о том, что этот самозванец был окружен толпой граждан, которые просили признать Герофила внуком Мария, и из того, что также граждане пришли к Цицерону просить за него, можно заключить, что Герофил, очевидно, был не рабом, а скорее вольноотпущенником или даже свободным. Это подтверждается сообщением Аппиана о том, что Антоний, казнив его без суда, совершил крупное нарушение закона (App., *ib.*, III, 3). Герофил завоевал большой авторитет среди граждан, вероятно, среди плебеев, членов коллегий и даже в муниципиях, о чем сообщает Валерий Максим: «Герофил, ветеринарный врач, приобрел такое уважение, называя себя внуком Г. Мария, бывшего семь раз консулом, что многие колонии ветеранов и крупные муниципии и почти все коллегии признали его своим патроном. Когда Цезарь, после поражения молодого Гнея Помпея в Испании, открыл свои сады народу, этот Герофил, отделенный от него лишь проходом между колоннами, был приветствуем с таким же рвением. Но если бы божественные силы Цезаря не пошли против этой бурной настойчивости, которая должна была вызвать краску стыда у всякого, то республика получила бы такую же рану, как тогда, когда он был приставлен при табуна» (Val. Max., IX, 15, 1).

Это пребывание Герофила в Италии и в Риме, судя по Валерию Максиму, относится еще ко времени существования коллегий, так как Герофил завоевал настолько большой авторитет в Италии, что коллегии признали его своим патроном. Вследствие этого Цезарь специальным декретом выслал Герофила не только из города Рима, но вообще из Италии (Val. Max., IX, 15, 1). Своей популярностью среди низших слоев населения Герофил был опасен Цезарю. Быть может, это послужило поводом Цезарю для закрытия коллегий, ибо объединение их около единого вождя могло свидетельствовать о каком-то назревшем движении.

После смерти Цезаря Герофил, услышав о мятежном настроении римского народа, вновь появляется в Риме; о его планах сообщает Валерий Максим: «Когда Цезарь был взят на небо, он (Герофил) вернулся в город и поддерживал решение перебить весь сенат» (*et consilium interficiendi senatus capere sustinuit*; Val. Max., IX, 15, 1). Это же подтверждает и Цицерон, когда он говорит, что казнь Герофила «сенат был освобожден от опасности избиения» (C i c., Phil., I, 2). Однако избиение сената не было предложено самим Герофилом. Валерий Максим пишет, что он поддержал это решение (*sustinuit*), откуда следует, что решение было принято народом до него. Это говорит о том, насколько далеко зашло народное волнение ко времени появления Герофила.

К стремлению перебить весь сенат присоединилась месть за Цезаря его убийцам, вернее это был лозунг, под которым было удобнее всего расправиться с сенатом. Эту опасность понимали сами заговорщики: Децим Брут, например, пишет Марку Бруту и Кассию: «В каком мы положении, вы сами знаете. Вчера у меня был Герутий. Он рассказал о намерениях Антония: не может быть ничего худшего и более неопределенного—он сказал, что не может мне дать провинцию и что никому из нас не безопасно быть в Риме, потому что солдаты и плебс сильно возбуждены» (C i c., ad fam., XI, 1). Цицерон, как бы вторя ему, пишет, что «Брут и Кассий не герои, а боги в будущем... встречают сейчас ненависть и опасность» (C i c., ad Att., XIV, 11). Герофил и его сторонники пытались устроить засаду Бруту и Кассию, которые были тогда преторами, но в дело вмешался Антоний, арестовав Герофила (App., *ib.*, III, 3). Следует заметить, что расправы с убийцами хотели не только солдаты и ветераны, бывшие в Риме, но также солдаты, находившиеся в провинциях. По этому поводу Цицерон в это время пишет Аттику, что из Галлии на Рим идут легионы, настроенные против заговорщиков, и что так же, видимо, настроены и испанские легионы (C i c., ad Att., XIV, 5). В том же письме он пишет: «Ты видишь магистратов, которые являются приспешниками тирана, такое же войско и ветеранов у нас под боком. Все это может взорваться!».

Движение Герофила, кроме того, отличалось своеобразной религиозной окраской. Оно проходило под знаком обожествления Цезаря. Этому много способствовал еще сам Цезарь, который заставлял воздавать себе божеские почести и ставить свои изображения в храмах. Рим в это время, по меткому определению Квинта Цицерона, представлял собой стечение всех народов (*Cic., de rep. cons., XIV, 54*). Здесь было много иностранцев, в том числе много людей с Востока, которые привыкли называть своего царя богом и оказывать ему божеские почести. Восточная культура и элементы восточной религии в то время уже оказывали значительное влияние на римское общество. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Цезарь после смерти был причислен к сонму богов «не только устами лиц, сделавших такое постановление, но и внутренним убеждением простого народа» (*Suet., Div. Jul., 88*). Простой народ, вольноотпущенники, рабы были убеждены в божественности Цезаря. Источники сообщают, что на месте сожжения Цезаря ему был сооружен алтарь. Кассий Дион пишет: «На месте костра воздвигли алтарь (кости были взяты вольноотпущенниками Цезаря и положены на памятник его отцов), там намеренно совершали религиозные обряды и приносили жертвы Цезарю, как богу» (*Dio, XLIV, 51*). Аппиан называет Герофила инициатором сооружения алтаря: «Аматий выражал чрезмерную скорбь по поводу его смерти: он соорудил алтарь на месте сожжения Цезаря» (*App., ib., III, 2*). Светоний рассказывает, что на форуме впоследствии была воздвигнута колонна нумидийского мрамора в 20 футов высотой с надписью: «отцу отечества». У этой колонны народ «еще много времени спустя ревностно совершал жертвоприношения, давая обеты и улаживая тяжбы, принося клятвы именем Цезаря» (*Suet., Div. Jul., 85*).

Это почитание Цезаря, принесение ему жертв на специально воздвигнутом алтаре, был, таким образом, введен народом. Цицерон называл этот культ безбожным и нечестивым. Этот своеобразный религиозный характер движения Герофила наносил, таким образом, ущерб официальной римской религии.

В составе участников движения Герофила Цицерон называет рабов и вольноотпущенников (*Cic., Phil., I, 2*). Последним он придает особенно большое значение: «Если бы Антоний почувствовал необходимость правильного пути, то заговор вольноотпущенников был бы легко подавлен» (*Cic., ad Att., XIV, 5*). Вольноотпущенников упоминает и Кассий Дион (*XLIV, 51*). В волнениях принимали участие также ветераны Цезаря, которые более всего были заинтересованы в мщении заговорщикам. Свободных граждан, как сообщников Герофила, называют Николай Дамасский (*XIV*), Цицерон (*Cic., ad Att., XII, 49, Phil., I, 2*). Светоний сообщает, что во время беспорядков после убийства Цезаря возродились коллегии (*Suet., Div. Aug., 32*), которые, вероятно, и приняли участие в волнениях. Таким образом, участниками движения были рабы, вольноотпущенники, ветераны и свободные—члены коллегий. Руководящая роль, весьма возможно, принадлежала вольноотпущенникам. Гладиаторы в движении не принимали участия, так как были подкуплены заговорщиками.

Народные волнения в Риме, связанные с именем Герофила, терроризовали все высшее общество, а особенно заговорщиков. Многие сенаторы бежали из Рима, чтобы укрыться в своих виллах. Заговорщики также готовились бежать. В это время Децим Брут пишет Марку Бруту и Кассию: «Так как мы находимся в таких стесненных обстоятельствах, мне кажется, что следует для меня и всех нас просить почетного назначения, чтобы иметь приличную причину для отъезда. Но я не верю тому, что это возможно: таковы человеческое высокомерие и гонения на нас. Но, если и дадут то, что мы просим, то спустя немного времени нас объявят врагами и изгнанниками. А каков мой план?—все предоставить судьбе. Нужно уйти из Италии, уехать на Родос или в какое-нибудь другое место. Если положение улучшится—вернемся в Рим, если оно будет посредственным—проживем в изгнании, если будет очень плохим—прибегнем к крайним средствам» (*Cic., ad fam., XI, 1*).

В это же время Цицерон, считая свое пребывание в Риме опасным, отправился в деревню, где он с нетерпением ждал от Аттика сведений о Герофиле: «Я жду известий о Марии, я думаю, что он был выслан Цезарем» (*Cic., ad Att., XIV, 6*),—пишет он нанануе апрельских ид и 15 апреля: «Я видел Павла. Он мне говорил о Марии и

республике самое худшее» (Cic., ad Att., XIV, 7). В том же письме он сообщает Аттику, что Брута видели вблизи Ланувия, а Требоний, по его словам, отправился в свою провинцию окольными дорогами (itineribus deviis).

Так в очень короткое время, буквально в несколько дней, Герофил сумел выгнать из Рима наиболее видных заговорщиков, а других так запугать, что они готовы были отказаться от всех своих «заслуг» и пойти на переговоры с Антонием; последнее одобрял даже Цицерон: «Беседа Антония с нашими героями при создавшемся положении—дело величнейшее» (Cic., ad Att., XIV, 6). Он торопил сенат и Антония прибегнуть к решительным мерам для расправы с Герофилом (Cic., ad Att., XIV, 5—6). Наконец, Антоний, боясь явного народного восстания, арестовал Герофила накануне апрельских ид, 12 апреля, и без судебного разбирательства казнил (App., ib., III, 3). С точки зрения римских законов Антоний совершил почти такое же беззаконие, за которое в свое время пострадал Цицерон, расправившийся с катилинарцами. Однако на это никто не обратил внимания. По словам Аппиана, «сенат, смотря на такое дело, как на крупное нарушение закона, однако с удовольствием извлекал из него то, что ему полезно: сенаторы думали, что без этого смелого шага не удастся добиться устойчивого положения в деле Брута и Кассия» (ib.).

После казни Герофила заговорщики, казалось, свободно вздохнули. Тотчас же посыпались похвалы Антонию: «Относительно Мария—это хорошо, писал Цицерон,—...наш Брут весьма одобряет Антония» (Cic., ad Att., XIV, 8). Но радость была все же преждевременной. Неожиданная казнь вождя не прекратила полностью народное волнение. Народ, как сообщает Аппиан (App., ib., 111, 3), занял форум и, негодуя на Антония, требовал от магистратов, чтобы они вместо Аматаия посвятили алтарь и принесли жертвы Цезарю. Для восстановления порядка Антоний выслал солдат, но это не помогло. Толпа возмущалась тем, что были убраны статуи Цезаря. Когда ей показали мастерскую, где эти статуи переделывались, она ее подожгла. Антоний вынужден был послать дополнительный отряд солдат, в результате чего произошло столкновение: одни из толпы были убиты, другие—схвачены. Расправа Антония была суровой: рабы были распяты, а свободные сброшены со скалы.

Однако и эти меры не намного разрядили обстановку; положение в Риме оставалось напряженным. Пребывание Брута и Кассия в городе было невозможно; поэтому под благовидным предлогом закупки хлеба Антоний удалил их из Рима. Союз Антония и республиканцев продолжался: Антоний даже поднимал вопрос о переговорах с Секстом Помпеем. Цезарианцы так же, как и заговорщики, боялись оставаться в Риме и отправились в деревню. О некоторых из них упоминает Цицерон, в письме из Путеол: «Здесь со мной Бельб, Гирций, Панса» (Cic., ad Att., XIV, 11). Сам Цицерон, подавленный народными волнениями, опять впал в пессимизм: «Боясь,—писал он,—что мартовские иды ничего нам не дали, кроме радости и чувства мести... О, прекрасное дело, но бесполезное» (Cic., ad Att., XIV, 12). Солдаты и ветераны Цезаря не давали покоя сенаторам: «Кто смел не притти в сенат в дни либералий? А когда мы пришли, могли ли мы высказывать свое мнение?,—писал Цицерон,—неужели там нужно было защищать вооруженных ветеранов, тогда как сами мы защиты не имели» (Cic., ad Att., XIV, 14).

Народные беспорядки, тем не менее, продолжались. Атик писал Цицерону о разграблении храма Опы. Беспорядки продолжались со дня казни Герофила до конца апреля, т. е. еще целых полмесяца. Видимо, только в последних числах апреля Долабелла окончательно расправился с ними, так как Цицерон пишет в своих письмах об этом в начале мая. Дальнейшая расправа производилась Долабеллой. Он разрушил колонну, а место, где она стояла, приказал замосить. Вновь масса рабов была распята, а свободные сброшены со скалы. Восторгу сенаторов не было предела: «О, мой замечательный Долабелла!,—писал Цицерон Аттику,—теперь я называю его моим, а раньше, верь мне, я сомневался. Теперь можно будет смотреть широко открытыми глазами; свержение со скалы, распятие на кресте, уничтожение колонны и даже места, где она была. Что еще можешь желать? Все это героично. Мне кажется, что он уничтожил притворство любви к Цезарю, которое все время проскальзывало и которое, я боялся, могло быть опасным для наших тираноубийц» (Cic., ad Att., XIV, 15). О том же он вспоминает

и в сентябре: «Когда у нас в городе распространилось это бесконечное зло и со дня на день разрасталось все шире и шире, те самые люди, которые сделали на форуме костер и совершили это непогребальное погребение, каждый день эти потерянные люди с рабами, им подобными, угрожали домам и храмам нашего города. Столь велико было наказание, совершенное Долабеллой по отношению к нечистым свободным и безбожным людям: он совершенно разрушил эту проклятую колонну, и мне кажется удивительным, как ему удалось ее навсегда ликвидировать» (C i c., Phil., I, 2).

Окончательное подавление волнений более всего обрадовало республиканцев. Цицерон писал Долабелле, что к нему ежедневно приходили благонамеренные люди с поздравлениями, так как они считали его вдохновителем этой расправы (C i c., ad fam., IX, 14). Однако более дальновидные цезарианцы, вероятно, боялись, что эта расправа приведет к еще более сильной вспышке мятежа. Недаром Цицерон говорил Антонию: «Когда тебе донесли об этом, то, как это знают бывшие с тобой, ты обомлел» (C i c., Phil., II, 42). Панса же очень неодобрительно отнесся к поступку Долабеллы (C i c., ad Att., XIV, 19).

Однако беспокойства были неосновательны; волнение, которое длилось полтора месяца, на этот раз было окончательно подавлено.

Главной отличительной чертой народного движения после убийства Цезаря было то, что народ выступал совершенно самостоятельно и на некоторое время имел своего вождя—Герофила. Однако движение возникло и проходило стихийно, казалось, оно не имело ни целей, ни смысла. Все же среди этой стихийности ясно выявились следующие моменты:

1) Поджоги домов, грабеж торговцев придавали волнениям характер борьбы против владельцев доходных домов и ростовщиков-торговцев, характер борьбы с римской плутократией, что, по существу, являлось продолжением прежнего движения за уничтожение долгов и квартирной задолженности. Только на этот раз борьба проходила под знаком мести убийцам Цезаря, причем большое значение имели солдаты и ветераны, отстаивавшие свои права на земельные владения.

2) В волнениях участвовали самые низшие слои римского населения: вольноотпущенники, рабы, ветераны Цезаря, ремесленники, члены возродившихся коллегий.

3) Продолжительность волнений была довольно значительной, если приваить во внимание их неподготовленность и неорганизованность. Они длились почти два месяца—с 15 марта до начала мая.

4) Еще одной отличительной чертой волнений была их религиозная окраска: они проходили под знаком почитания и обожествления Цезаря, в чем сказались влияние восточных религий, которым были особенно заражены низшие слои римского населения. Но и в этом движении было оригинальным, так как масса настойчиво вносила свой культ в официальную римскую религию. Движение было демократичным и по своему составу и целям.

Эти волнения сыграли большую роль в разворачивании дальнейших событий: господствующий класс римского общества, напуганный волнениями, еще острее осознал необходимость новых методов правления для сохранения власти. Это дало направление всей дальнейшей борьбе за власть, независимо от того, кто в ней имел в дальнейшем временный успех: вожди сенатской аристократии или главари цезарианцев.

Г. А. Цветаева